

Анастасия Гордиенко / Все фотографии: Аня Марченкова для ОВД-Инфо

25.04.2024, 12:12 Омская область

РЕПОРТАЖ

«Піду нацистів бити». Как живет семья протестных фермеров из покинутой деревни, пока их соседи-украинцы идут на войну

Сергей и Анастасия Гордиенко живут в Одесском районе Омской области, в деревне, которой нет. Но есть окрестные села, где живут украинские переселенцы. Мы приехали сюда, чтобы познакомиться с супругами Гордиенко, которые стали изгоями не только из-за того что живут вдали от всех, но и из-за политической позиции и уголовных дел, заведенных на обоих, и попытались понять, почему этнические украинцы из глухой Сибири идут воевать с Украиной на стороне России.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

[English version](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ НАЧИНАЕТСЯ БУРАН

Село Одесское. Придорожное кафе. Заходят серьезные мужички, отряхиваются, фыркают, тревожно переговариваются. Они из Казахстана, границу пересекли — это 18 километров отсюда, а вернуться не могут — дорога закрыта, начинается буран. Поднимается ветер, холодный и хлесткий, он негромко завывает и тащит по дороге снежную крошку.

Когда-то село называлось Новая Одесса — так его в память о покинутой родине окрестили украинские переселенцы начала прошлого века, позже первая часть названия отпала.

Во времена Столыпинской реформы крестьяне получали наделы и ехали осваивать эти земли из Екатеринославской, Киевской, Полтавской и Херсонской губерний. Большая часть жителей здесь по-прежнему этнические украинцы, они и дали названия окрестным селам — Ганновка, Благодаровка, Желанное, Буняковка. Населенные пункты с такими названиями есть и на карте Украины.

«Хохланд! Мы эти места так называем!» — запахиваясь от ветра, в дверях кафе появляется Евгений — он забирал нас от автостанции на машине и привез сюда. Мягкий и коренастый Женя беззлобно посмеивается. Его покойная мать дружила с Анастасией Гордиенко, к которой мы сегодня должны пробиться сквозь непогоду. Помочь нам в этом вызвались Женя и казачий атаман Гриша.

«Тут в некоторых деревнях, если по-русски заговоришь, сразу понимают, что ты чужой, — объясняет Евгений.

— В Благодаровке дети не понимали молодых педагогов, которые из города приезжали работать, приходилось учителям-пенсионерам выходить».

У самого Жени в роду казаки да молокане. Он занимается фермерством, держит отару овец. Живет один — дочка учится в Томске, а бывшая жена уехала в Германию. Бросила из-за войны работу в школе, когда стали заставлять вести «разговоры о важном».

«Из Благодаровки на войну столько народу пошло, я поражаюсь, — негодует Женя, — одни украинцы [пошли с оружием на других]! Много тех, кто ушел добровольцами. Я им: вы чо, с головой не дружите? Одному мужику сорокалетнему говорю: дебил, ты куда собрался? А он мне: „Піду нацистів бити“. Да ты же по-русски не разговариваешь, какие еще нацисты?! А он мне: „Я дивлюсь ,Росію 24‘, вони там усе пояснюють“».

Мы наскоро обедаем, впрок вливаем в себя горячий чай и собираемся выезжать, пока путь не замело окончательно. Нам нужно добраться до поворота, где на снегоходе нас встретит атаман Гриша Остапченко. Никак иначе мы до Анастасии и Сергея Гордиенко не доберемся — дороги в деревню Решетиловку нет. Нет в деревне и школы, больницы, нет и магазинов. Там и домов нет, кроме их жилища. Да и самой деревни больше не существует.

ГЛАВА ВТОРАЯ, В КОТОРОЙ МЫ ЕДЕМ СКВОЗЬ БУРЮ

Буран усиливается. Ветер уже не подвывает, он шипит и свистит, ледяной и колючий, закручивает кольца снежного торнадо, видимости хватает на пару метров. Наша «Лада» постанывает и буксует, поднимает брызги жесткого снега, по обеим сторонам дороги вырастают белые стены из наметенных ветром сугробов.

Перед нами то и дело глохнут машины, мужчины откапывают их лопатами и вытягивают на тросах. Руки и лицо моментально леденеют. У мужчин покрасневшие лица, совершенно белые брови и ресницы, капли замерзают на усах и бородах. Но все довольны, работают, тяжело дыша и весело матерясь, — стихия сплачивает.

Вдруг снежную пелену рассекает снегоход. Перед нами он резко останавливается, вздымая снежные волны. Это подъезжает Гриша — глядят на нас голубые глаза из прорези заиндевелой балаклавы.

«Я на вас чекаю, дивлюся навколо — ніде вас немає!» — хрипло говорит он.

Снимает мощные варежки, растирает красные ручищи. Дверь машины открываем кое-как. Если не придерживать — на таком ветру унесет, Женя говорит, тут это частенько случается. Упихиваемся в пластиковое корыто, которое тросиком крепится к снегоходу. Он взбрыкивает, срывается с места, и мы летим, взрывая ледяную крошку и подскакивая на поворотах. Вокруг — белая степь, насколько хватает глаз. Вдруг снегоход тормозит.

«Дівчатка! Ми заблукали, я зараз вийду дорогу подивитися, а ви тут годинку зачекайте!» — кричит Гриша, оглядываясь назад, но, видя наши потрясенные лица, раскатисто хохочет, и снегоход взбрыкивает снова. Через несколько минут среди пустоши вырастает дом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ

«Твою дивизию, в каких они ботах!» — ахает Анастасия, глядя на наши короткие ботинки и сапожки, когда мы, отряхиваясь от снега, входим в дом. Гриша, рыкнув на прощание снегоходом, уезжает.

Навстречу выбегает золотистый пес Хазар. Из кухни доносится мяуканье.

«Это — Бюрократ, это — Моника, она родилась без лапки. Соня, Яша, Парамон — все имена котам дает Сережа. — Анастасия знакомит нас с домашней живностью. — Только Парамон в ссылке, он мне все шторы обоссал. Жалко, такой домашний он у нас», — смеется.

Анастасия родилась в селе Синявке Одесского района, примерно в 50 километрах от Решетиловки — посчитать сложно, потому что Синявки тоже больше официально не существует. В 18 лет после курса хоровиков-баянистов она приехала в Решетиловку и стала работать в местном доме культуры — там с Сергеем и познакомились. Этот год у них юбилейный — 50 лет назад они поженились. Расписывались в том же доме культуры, их регистрация была первая и последняя.

Вскоре Сергей выучился на зоотехника, и молодые переехали в село Ганновку, где им по распределению дали работу и квартиру. История Решетиловки тем временем кончилась. После развала колхоза закрыли школу и ферму, местные жители продали скот и разъехались по соседним селам. В 1980 году пустующую деревню исключили из всех учетных данных. Сейчас на том месте, где познакомились, а потом и расписались Сергей и Анастасия, стоят кирпичные развалины — их видно из окна дома.

Еще из окна видно памятник жителям деревни, погибшим в Великой отечественной войне, — серая дуга и несколько

черных гранитных плит — и одинокий общественный туалет посреди степи. Все это появилось здесь в прошлом году, «торжественное открытие» прошло 4 июня.

«Меня кто-то из Ганновки спросил: вы придете? Я сказала, что если и пойду, то только с украинским флагом! Кто-то, видимо, донес из деревенских, и получилось шоу», — говорит Анастасия.

«Шоу» она называет полицейский визит накануне мероприятия, которое совпало с днем рождения Алексея Навального — политику исполнилось 47 лет, сторонники объявили об акциях поддержки, и Анастасия собиралась ехать в Омск.

«Приходят и говорят: „Вы готовите теракт“. Я им: что, совсем кука замкнула, какой теракт? — вспоминает Анастасия. — Я вообще собираюсь ехать на митинг в Омск! Выписали мне предупреждение [не участвовать в „несогласованных акциях“]».

«Юбилейный год, еще и посадят» — усмехается Сергей.

Анастасия уже полгода находится под подпиской о невыезде. Теперь из Одесского района она не может без ведома следователя выбраться даже в Омск, до ближайшей больницы. «В полиции я сказала: вы меня своей подпиской оскорбили,

я прожила 70 лет, вырастила четверых детей, прожила достойную жизнь и вдруг угрожаю государству!» — отрезает Анастасия.

Ее подозревают в повторной дискредитации армии (ч. 1 ст. 280.3 УК РФ) из-за постов в соцсетях. Аналогичная административная статья у нее уже есть — за антивоенный пикет.

Об этом никто не узнает

Если об этом никто не напишет. Мы публикуем эти истории только потому, что тысячи людей поддерживают ОВД-Инфо. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

Поддержать

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ «ИЗ ОППОЗИЦИОНЕРА ДЕЛАЮТ РЕВОЛЮЦИОНЕРА»

У памятника Богдану Хмельницкому стоит женщина в осенней куртке и зеленом платке — **видео** называется «Полиция скрутила старушку за плакат...». У женщины на плечах — красный канатик, который держит плакат с лозунгом «Матери, остановите войну!».

К женщине подходят полицейские, и она исступленно кричит: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой — с путинской бандой черною, с проклятою ордой!» В следующую секунду ее берут под руки, поднимают над землей и несут в полицейскую машину под возмущенные возгласы прохожих.

Эта женщина — Анастасия Гордиенко, место действия — Омск, время — раннее утро 26 октября 2022 года. В свои 70 героиня ролика — с короткой стрижкой чуть тронутых сединой волос — похожа на кого угодно, только не на старушку.

«Я как собралась выходить [в пикет], родственники запричитали: „Да что ты, посадят!“», — говорит она.

Анастасия была неумолима. Боялась за сыновей (мобилизацию уже объявили) — за них она готова стоять насмерть. Оба отслужили срочную, еще и внуку исполнился 21 год. «Меня такая тоска заела, когда они служили, ничему рада не была, корову дою и плачу, — продолжает женщина. — Но это они в армии были, а тут — в Украину?!»

В сентябре позвонили из сельсовета: «Ваш старший сын в списке на получение повестки». Тут, говорит Анастасия, ее «понесло»: «Я звонила в военкомат, кричала: мои сыновья не будут убийцами! Даже не приближайтесь к ним, иначе я вас взорву и спалю! Они не пойдут на эту войну!»

Посидели дома, поплакали и решились: старший уехал в Казахстан.

После акции у памятника Богдану Хмельницкому Анастасию увезли в омский отдел полиции № 9, где продержали около восьми часов. В тот же день состоялся суд: по статье о дискредитации армии РФ (20.3.3 КоАП) Анастасию оштрафовали на 30 тысяч рублей, по статье о сопротивлении при задержании (19.3 КоАП) — на 2 тысячи.

«Они мне говорят: „Вас купили, вы не могли до такого додуматься, — вспоминает Анастасия диалоги в полиции, — и плакат вы сами не могли оплатить, кто вас подбил?“ И еще одна там была сотрудница, говорит: „Сдохнет ваш Навальный!“ А я ей: „Да он еще будет президентом!“

Другой сказал: «Да что мы с ней тут нянчимся, она сейчас будет еще кричать „Слава Украине!“»

«Героям слава!» — отзываюсь.

«Блять!» — он аж за голову схватился!

Я живу в свободном государстве, мне осталось жить полтора понедельника, и я должна всего бояться? Я не привыкла бояться, понимаете?»

На следующий день после пикета к дому Гордиенко подъехала полицейская машина — сотрудники потребовали написать объяснительную, потому что она хочет «кого-то поджечь или взорвать». Изумленная Анастасия не сразу поняла, что кто-то донес на звонок месячной давности. Полицейские обещали возбудить дело по экстремистской или террористической статье, но, к счастью, не возбудили.

«Я уже боец со стажем», — торжествующе говорит женщина.

Ее муж — тоже боец, не хуже супруги. «Я был оппозиционером, но из меня сделали революционера, — вздыхает Сергей.
— Крестьянин, который всю жизнь кормит народ, стал оппозиционером — это же надо такое придумать!»

Из-за политических разногласий Сергей перестал общаться с родным братом. Брат живет в селе Ганновке и, по словам Сергея, называет Гордиенко придурками и поддерживает «СВО», а его внук ушел в Украину воевать по контракту и получил ордена.

«Я говорю: твой внук будет стыдиться этих орденов и прятать их. Народ Украины вас проклянет за то, что вы с ней сделали, — вздыхает Сергей. — Пропаганда сделала свое дело, а нам ее смотреть было некогда. С экранов льют ложь и ненависть, а мы были воспитаны на этой культуре, наш отец — украинец, мы читали украинские журналы, пели национальные песни».

ГЛАВА ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ ГОРДИЕНКО ВСЕХ РАЗДРАЖАЮТ

В Решетиловку Гордиенко вернулись в 1988 году, когда деревня и дорога к ней уже официально перестали существовать, — на пустую землю. Пока строился дом, жили в палатке, до холодов управились. Построили ферму, обзавелись животными — одних только коров было пятьдесят штук, а еще

поросята, козы и овцы, птица. И семья из шести человек — у Гордиенко к тому моменту было уже четверо детей — две дочки и два сына, сейчас они со своими семьями живут отдельно: кто — в Ганновке, кто — в Омске.

Много лет подряд стадо с фермы Гордиенко ставило рекорды по надоям — семь тысяч литров молока в год с одной коровы, грамоты стопкой лежат в шкафу. В 2010 году семейную ферму наградили серебряной медалью ВДНХ. Молоком, сметаной, творогом и яйцами пара кормила весь район.

«Мы же тут ни года спокойно не провели — все время воевали, как стали фермерствовать, — говорит Сергей. — Хотелось фермерское хозяйство сделать нормальным, чтобы государство чем-то помогло. Стоимость молока была до того низкой, что хватало только текущие дела решать, механизировать не хватало средств. Потом залезли в кредиты, купили технику и работали на эти кредиты — тридцать лет тяжелого труда».

В нулевые они начали ездить в Москву — пытались получить обещанные правительством кредиты по **нацпроекту**. Потом стали биться за официальный статус — Анастасия даже устраивала голодовку у здания облправительства. Местные

СМИ тогда писали, что губернатор **обещал** решить вопрос. Не решил.

«У нас незаконно построенное жилище. Мы считаемся ганновскими жителями, платим налоги, но ничем не пользуемся, — объясняет Анастасия. — Мы прописаны на фундаменте в Ганновке, в доме жили с бабушкой дети, пока не окончили школу, он давно разобран, но по этому адресу еще приходят письма. Наша ферма зарегистрирована: мол, работать тут вы можете, а жить — нет».

В конце августа 2014 года супруги сели в молоковоз и поехали в Омск — к резиденции губернатора. На машине было написано «Выльем молоко губернатору под ноги». В ливневку ушло 500 литров.

На другую акцию с требованием отставки губернатора пара привезла на митинг петухов и козла, люди скандировали: «Полиция против козлов! Полиция не пускает петухов!»

Во время одного из пикетов у здания областного правительства Анастасия, замерзнув, помогла дворнику разбить лед, и за ней приехала «скорая психиатрическая помощь». В амбулаторной карте причиной вызова значилось: «чистка снега возле Дома правительства». Врач сказала: «Вы их раздражаете».

Гордиенко рассказывают, что вдохновлялись европейскими фермерами — «смотрели, как они добиваются своих прав то в Германии, то во Франции».

Стали планировать новый протест, задумав привезти губернатору не молоко, а навоз. Но осуществить это уже не успели: через месяц после акции с молоком на Сергея завели уголовное дело по статье о «мошенничестве в особо крупном размере» (ст. 159 ч.4 УК).

Сергей получил грант — 2,5 миллиона рублей на модернизацию своей фермы. Но в 2012 году случилась засуха. По словам четы фермеров, вопрос стоял так: зарезать скот, который нечем кормить, и модернизировать ферму — или спасти животных, а модернизацию перенести хотя бы на год. Сергей выбрал второе. Потом был обыск в доме, которого по закону не существует. На суде прокурор запрашивал 10 лет реального срока за «социальную опасность». В итоге Сергея приговорили к пяти годам условно.

«Фермера, который 30 лет народ кормит, и вдруг посадить! — горячится Анастасия. — Я повторяла, как мантру: Сережа, у нас оправдательных приговоров — 0,01%, и ты попадешь в этот ноль, ноль один процент».

Семья решила бороться. Они подали апелляцию в областной суд, и он решение отменил. Выплатили компенсацию — возместили моральный ущерб в 100 тысяч рублей и еще выплатили 300 тысяч, потраченных на адвоката. Но судебный процесс подкосил здоровье Сергея — у него появилась астма, из-за которой он теперь часто кашляет и склоняется над ингалятором.

Поддерживать жизнь фермы становилось все труднее, и в 2017 году Гордиенко продали почти весь скот — остались три коровы, два быка, поросенок, козы, овцы и птица. Пенсия у пары на двоих 17 тысяч.

«За то, что это государство со мной сотворило, я его ненавижу, — хрипло говорит Сергей. — Власть наша подлая и гнусная. Уничтожает человека всеми способами и средствами. Меня не смогли добить, переключились на Настю. Да, она прямолинейная и боевая, но всегда стоит за правду».

ГЛАВА ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЮТСЯ МОРЯК, БОРЬКА И МАДАМ

По утрам и вечерам нужно накормить и напоить скотину, подоить коров, убрать навоз, натаскать в дом уголь, приготовить еду. Огромный сарай Гордиенко строили своими силами вместе с родней. У входа живут гуси и утки, сарай наполняется гоготанием, едва мы заходим.

Черный бычок Моряк лижется теплым языком и сует морду в объектив фотоаппарата. Рожки у него неожиданно тоже очень теплые. У коровы Мадам вьется хохолок. Она недавно родила

теленка Симу, и он пугливо скачет на тонких ножках в закутке. Просыпается хряк Борька и гневно хрюкает, шаря в темноте огромным пяточком. От этой возни рядышком засуетились козы и овцы, мычат коровы.

«Я смотрел, как живут фермеры в Норвегии, и пытался сделать так, но мне не дали, только разворовывали деньги миллионами, — говорит Сергей, облокотясь о дерево сарая. — Сына в Германию отправлял, он потом сказал: „Папка, у нас нельзя так работать. Там работаешь и радуешься, а у нас — плачешь. Крестьянина считают быдлом, которое должно пахать и пахать. Село уничтожили: везде по сотне пустых домов“».

Из-за проблем со здоровьем мужа корма и навоз таскает теперь Анастасия. Раньше неподалеку была участковая больница, сейчас вызывать скорую помощь нужно из Одесского. В Решетиловку бригада в такую погоду не доедет, только дойдет пешком. К Сергею, когда у него был приступ непроходимости кишечника, так добирались восемь часов. На месте поняли, что нужно в больницу: трактор пробил дорогу — только тогда пробралась машина. Поэтому супруги и бьются за статус поселения.

«Люди мрут как мухи и в то же время голосуют за Путина — это самое страшное, — ворчит Сергей. — У мужа нашей знакомой случился инфаркт, а реанимации в Одесском нет, поехали в Омск, и он умер в машине. Но и она мне говорит: „Кто, кроме Путина?“ Я говорю: ты понимаешь, что если бы в селе была реанимация, больница, твой муж бы выжил?»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ БУРЯ УЛЕГЛАСЬ

Утром в стертой с карт Решетиловке спокойно и пусто, только редкие птичьи вскрики. На улице ясно и холодно — 36 градусов. Буран успокоился. Анастасия встает на рассвете и отправляется к животным. Про наши одежды она говорит: «Жопа-то ничего, если простынет, а вот если жопина соседка — будет очень серьезно!»

По снегу идет с костылем — на одной ноге ей провели эндопротезирование, на второй — ждет операцию, в очереди перед ней — 5769 человек. Сказали, ждать пять-семь лет. После ухода за живностью Анастасия встает к плите. На завтрак — воздушные блины на свежих сливках и сырники из домашнего творога.

Сергею с ночи нехорошо. От невеселых воспоминаний он захворал, даже к животным с утра не пошел.

Сюда, в несуществующую Решетиловку, к Сергею и Анастасии время от времени приезжают дети и другая родня, но зимой пара обычно остается вдвоем. Дел невпроворот, едва хватает времени на чтение книг и новостей, но оба остаются в курсе политической повестки. Анастасия была на многих митингах в поддержку Алексея Навального, весной 2021 года стояла с плакатом за его освобождение.

«Я телевизор иногда включаю, только потом плююсь. Новости смотрю на „Ютубе“, подписана на независимые СМИ. [Алексей] Навальный — мой кумир, — рассказывает Анастасия. — Мы были не согласны с каждой эпохой — брежневской, горбачевской, ельцинской, — но эта — самая подлая».

В сентябре 2023 года к дому Гордиенко вновь приезжали служебные машины: пришли сотрудники ФСБ, участковый из Одесского, полицейские и понятые. Анастасии сообщили, что ее обвиняют в повторной дискредитации армии (ч. 1 ст. 280.3 УК).

«Такой наглый полицейский, тычет корочками, заходит и говорит: „Ну понятно, украл два с половиной миллиона и дом построил“. Мы столько лет работали, столько скотины держали!» — вспоминает она.

Полицейские потребовали наручники. Участковый, знакомый с Анастасией, покраснел. Наручники не нашли. Приехал государственный адвокат на машине с буквой Z. Анастасия, едва увидев это, сердито зыркнула и твердо сказала, что такой адвокат ей не нужен.

Сейчас у женщины есть защитник от ОВД-Инфо — Андрей Огнев. По его словам, Анастасия по-прежнему находится в статусе подозреваемой, в деле нет «никакой конкретики», обвинение ей еще не предъявили.

Известно лишь, что дело завели из-за антивоенных комментариев в «Одноклассниках». Их исследовала старший эксперт экспертно-криминалистического центра УМВД России по Омской области Светлана Рассолова. В заключении сказано, например, что в комментарии, который начинается словами «Да, я хочу победы Украины над фашизмом, и что?..» слова «Россия» и «фашизм» представлены «как контекстуальные

синонимы», а «Россия характеризуется как фашистское государство...».

Про другой комментарий со словами «Уже давно все известно, что пукин натворил со своей недоармией в Украине...» эксперт заключает, что «...референт лексемы „пукин“ определяется как президент РФ В. В. Путин» и «негативно оценивает образ президента», так как созвучно со словом «пукать», которое «вызывает у читателя неприятные ассоциации».

В самом начале полномасштабного вторжения в деревне Ганновке организовали «патриотический» автопробег, местные жители стали плести маскировочные сети, вязать на фронт носки и лить окопные свечи, а в Одесском теперь **собирают** деньги на «помощь бойцам российской армии».

Анастасия писала во многих местных группах, что осуждает это и не понимает, как этнические украинцы могут поддерживать российскую армию, которая вторглась в Украину, называя их «варварами». На гневную реакцию отвечала, что ее сыновья и внук никогда не пойдут на эту войну: «...мы уйдем в подполье, в партизаны, в тюрьму!»

«Да мы просто смеялись над этой пропагандой и недооценивали ее возможности, — добавляет Сергей. — Они же все с родственниками своими из Украины переругались. А некоторые, как этот, с Генераловки, Лаба его зовут, приезжает и говорит: „У нас хлопцы на СВО пошли, молодцы! А то будем американцам ноги мыть“. Я говорю: „Ты свои ноги вымыть не можешь!““

В разговоре о войне Гордиенко вспоминают сына их знакомого Андрея Кислого, который, по их словам, на войну идти не хотел, но попал туда, потому что служил по контракту. «Страшно не хотел. Погиб через два месяца», — вздыхает Анастасия. Около школы в селе Ганновке, где он учился, выпускники **установили** мемориальную доску, «средства на нее собрали друзья, одноклассники и равнодушные жители».

Евгений, который забирал нас из Одесского, просит супругов уехать из страны. Анастасия в своей манере прикрикивает на него: «Да иди ты в баню! Уезжать никуда не буду». Но для Сергея все это очень тяжело. Он переживает, что жену посадят. Они оба говорят, что это для него будет смертельным приговором.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, В КОТОРОЙ ПОЕТ «КАЛЫНОНЬКА»

Когда Гордиенко жили в Ганновке, Анастасия работала там директором дома культуры и создала ансамбль украинской песни. Он сначала был безымянным, а потом назвался «Калынонька» — участницы ездили с гастрольями и выступали в местном ДК.

Мы приезжаем к этому ДК и замечаем внутри у самого входа репродукцию картины Ильи Репина «Запорожцы». По легенде, это сюжет времен войны Российской и Османской империй. На картине — вольные казаки. Под картиной стоит доска объявлений, на ней — литера Z, надпись «Герои нашего района» и четырнадцать листов с фамилиями и фотографиями погибших после 24 февраля 2022 года. Овчаренко, Руденко, Кислый...

В актовый зал мы заходим под народную песню. Участницы ансамбля «Калынонька» самозабвенно поют и нас не замечают — семь пожилых женщин в национальных костюмах.

«А як вони може не поймуть?» — говорит одна другой.

«Та ну, поймуть, щоб вони не поняли!» — отвечает та.

Практически все они этнические украинки — потомки переселенцев, сохранившие родной язык и культуру. Только Мария Яковлевна — русская, но, говорит, петь в украинском ансамбле ей очень нравится, хоть и трудно порой разобрать все слова, в этом ей помогает муж-украинец. Мы не сразу понимаем, что она — жена Юрия, брата Сергея Гордиенко, который перестал с ним общаться после февраля 2022 года.

«Внуки то більше говорять російською, а діти українською можуть балакати! А нам і тот язык хорош і етот, — объясняет Валентина Колбаса, словоохотливая и смешливая женщина, сидящая посредине. — Мені в російських санаторіях, коли я раніше їздила, говорили: Валю, поговори ще на своєму, дуже інтересно!»

Из Ганновки на войну ушло 9 человек, один уже погиб — племянник Валентины Васильевны Бабак. У Людмилы Васильевны на фронте был сын. У Марии Яковлевны там сейчас внук, а у Валентины Колбасы — внучатый зять. Валентина Бабак волонтерит — плетет маскировочные сети, а Мария Яковлевна вяжет на фронт носки.

«А що ще? У моєї внучки Настеньки на фронті мужик — забрали, — розповідає Колбаса, вона говорить на смесі українського і російського мов. — Він в Донбасі знаходиться. Душа-то вона болить за всіх, а свого ще ж жальче, а як? А як же він би не пішов? Він же воєннообязаний. Краще ж воювати, ніж сидить у тюрмі — я так думаю. В новостях кажуть, наші розбивають — як їх називають — „бандерівців“. А скільки наших гине! Я „60 минут“ слухаю, а Соловйова ненавижу, прости господи, що я так сказала, вони пропаганду ведуть. Політику ми не розуміємо і не хочемо розбиратися, правда».

У багатьох з них в Україні залишилися родичі, але вони практично не спілкуються.

«Вони на нас бачку пруть, — продовжує Валентина. — Діло в тому, що наші, хто дзвонять на Україну, кажуть, що вони уже

не хотять балакать, мол, ви нас предали, ви продалися москалям — на футболках побачили „зет“».

«У них, видимо, там такая пропаганда, политика, шо вони про нас плохо говорят там», — добавляет кто-то из женщин.

Они повторяют тезисы пропаганды про «бандеровцев» и «разгул нацизма», вспоминают программы по «России 1», но потом все в один голос говорят, что очень ждут конца войны.

«Еще в 2014 году сына забрали туда, как в командировку, он в ОМОНе служил, — говорит Людмила Васильевна, женщина с черными волосами, выбивающимися из-под платка, и красивыми глубокими глазами. — Потом в 2022 году — снова туда, три месяца был, его контузило. Сейчас сидит на пенсии — 18 тысяч. Мрак. Он контуженый два раза. И куда нам обращаться? Мама, говорит, успокойся. Ему сказали: будете зачищать. Они завоевали деревню, а после нужно сделать зачистку. И весь их отряд попал под бомбежку. И ничего им не заплатили. Только пенсия».

«Я як кажу, — говорит Валентина Колбаса, — хто бідний, той і воює, гроші заробляє. Це ж правда».

«Нет, почему, Валя, — неправда! — тут же откликается Мария. — Вот же, показывают в программе „Наши“ по второму каналу, это любимая моя передача, я ее всегда смотрю, там сколько ребят наших воюет: казахи, украинцы. И все они пришли оттуда и рассказывают: „Вы посмотрите, что там делается, как они там издевались с 2014 года“».

«Вы себя кем больше чувствуете?» — спрашиваю.

«Русскими! — говорит Мария. — Мы — русские»

«А я хохол була та й буду, чого ето я буду русскою?» — улыбается Валентина Колбаса.

«Да при чем здесь! Валя, да ты что! А ты зачем живешь-то здесь?! — восклицает Мария. И тут же добавляет: — У нас здесь много народностей, все мирно живут. Мы все живем, чай вместе пьем».

На вопрос о семье Гордиенко она отвечает, что «никаких расколов между семьями в районе не было и нет». По ее словам, муж с братом давно не виделись: «А когда встречаться? У нас хозяйство, у них — хозяйство»

Мы еще долго говорим с женщинами о войне и культуре, об их родных и о сельской жизни. Сейчас они выступают все реже и реже — возраст, уже тяжело. Но сегодня они поют — много и вдохновенно: «Як ся дізнали — розщебетали, Як ся дізнали — розщебетали, Бодай же ж вони щастя не знали. Сусіди близькі — вороги тяжкі, Сусіди близькі — вороги тяжкі, Сусіди близькі — вороги тяжкі».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, В КОТОРОЙ МЫ СПОРИМ С ГЛАВОЙ ГАННОВКИ

Марина Николаевна Саюн — глава Ганновки. Как рассказывает Анастасия Гордиенко, они с Саюн когда-то были близкими подругами, вместе ездили в Одессу, вместе ходили в театры. Но потом «та пошла во власть — и все».

Марина Николаевна сначала долго отказывается от встречи. Затем кое-как соглашается, но только ненадолго и без фотосъемки. Когда мы все же встречаемся в ее кабинете, она нервно тербит лежащие на столе документы и заметно смущается.

Саюн руководит поселением 20 лет, приехала сюда в 1986 году, когда «дворов было больше, а потом молодежь, стремясь к лучшей жизни, стала разъезжаться». По последней переписи в Ганновке зарегистрировано 690 человек, но многие здесь, по словам главы, только прописаны, хотя в селе уже не живут.

«Гордиенко? Я с ней близко не общаюсь, — говорит Саюн. — Но я знаю, что она устраивала одиночный пикет против „СВО“. Считаю, что это не совсем правильно»

И снова — знакомые тезисы про «противостояние России и Запада», ссылки на Владимира Соловьева и [интервью](#) Такера Карлсона с Владимиром Путиным.

«Работать сложно, — добавляет она, когда мы говорим о жизни в селе. — Если бы было достаточно средств в бюджете, было бы

гораздо легче. А так полномочий много, а средств не хватает. Хотелось бы сделать гораздо больше».

И потом: «У нас половина здесь говорит на украинском. Зайдите в магазин, [послушайте]. И на казахском разговаривают. У нас много национальностей. Разговаривайте, как хотите. Никто не запрещает, как на Украине: только на украинском говорите. Закрывают [там] школы русские. Ну что это такое?»

«Подождите, но у нас за украинский флаг и одежду в таких цветах штрафуют».

«Да нет у нас такого и не было никогда! — она повышает голос. — С чего вы взяли?! У нас, понимаете, даже форма спортивная желтая с голубым как бы жовто-блакитная. Что здесь такого? Не понимаю. У нас все живут дружно. Никаких притеснений, ничего такого. Украинцы, казахи, русские — песни поют украинские на сцене».

«Может и дружно, но дела все равно заводят».

«У нас? В России? Какая глупость! Я даже в это не верю. Где это такое вы видели? Нет у нас такого, вы что».

И хотя она признается, что «не хочет лезть в политику», но с горечью говорит, что ей очень больно от происходящего. Ведь, по ее словам, случается и так, что два брата оказываются по разные стороны фронта: «Потребуется очень много времени, потому что с той и с той стороны очень много погибших. Это не на один год, чтобы все забылось и простилось», — негромко замечает она.

ЭПИЛОГ

«Мне все время снится один и тот же сон. Я встречаю Навального, обнимаю его, плачу и говорю: „Сынок“. Значит, встретимся. Я чувствую, что все будет хорошо, он выйдет, и я ему скажу: „Я рада больше тебя“. Как тогда чувствовала, когда Сережу судили».

Эти слова Анастасия Гордиенко сказала нам в середине февраля — мы приехали к ним 14-го числа. Вечером 16 февраля мы выехали из Одесского в сторону Омска. Когда появилась мобильная связь, мы узнали, что Анастасия уже никогда не встретится со своим кумиром.

На следующий день нам написал Женя: «Тетя Настя вчера полночи плакала. Степанычу стало плохо, он очень подавлен. Вечером пойду к ним пешком».

Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

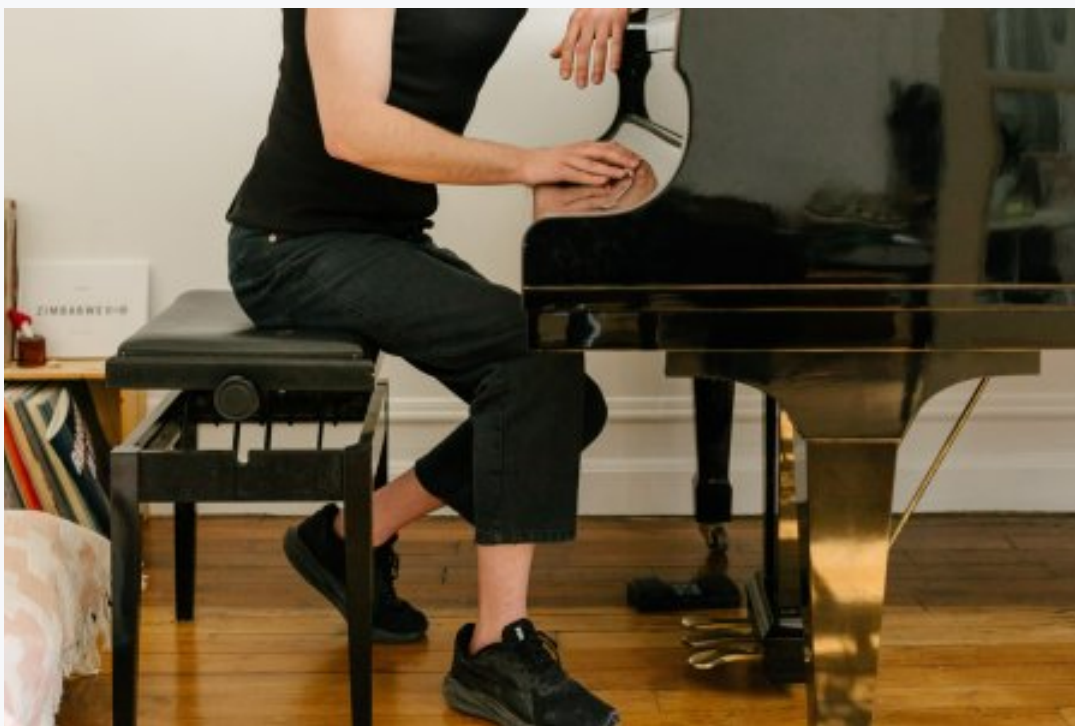
Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

01.11.2025 Омская область

Омича, собиравшегося поджечь автозак на антивоенной акции, после перевода в колонию поместили в ШИЗО

«Сотрудник колонии нашел номер мамы, написал ей и передал мне привет». Интервью с музыкантом Игорем Левченко после выхода из колонии

В изоляторе Левченко избили со словами: «Ну что, слава России или слава Украине?!»

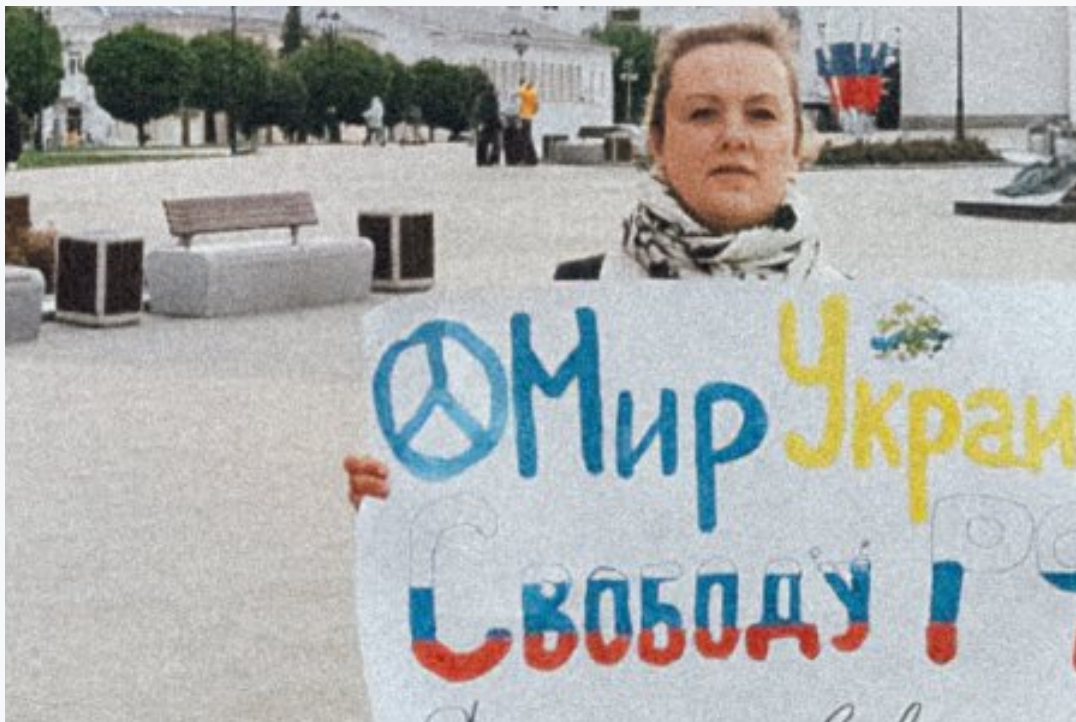

**«Церковное подполье». Как живут российские
антивоенные священники и кто им помогает**

Священники выступают против войны вопреки
официальной церкви.

**«Сохраните себя для лучших времен и будьте готовы
к их наступлению»: интервью с политзаключенным
Дмитрием Ивановым**

**ОВД-Инфо: акции в поддержку народа Украины
и против войны**

2669 новостей и текстов по теме